

ного, при которой толкование права выступает разновидностью познавательной деятельности человека, направленной на поиск смысла правовых явлений и процессов и, как правило, находящего адекватное выражение в нормах действующего законодательства.

Однако абстрактные положения герменевтики как философской науки не могут быть использованы правоведением непосредственно. В данном случае необходима известная адаптация их с учетом специфики предмета правоведения и особенностей структуры правовых текстов.

Тем не менее следует признать, что герменевтика как философская наука является базой теории толкования права, которая разработала систему всеобщих принципов интерпретации текстов (последние могут быть использованы в процессе толкования нормативно-правовых актов); сконструировала ряд моделей «предварительного образа» [7, с. 37], решения юридического дела посредством приемов, позволяющих путем взаимного уточнения и конкретизации знаний о фактах и правовых нормах корректно разрешить юридическое дело, и наконец, сформулировала понятие толкования права как особой разновидности познавательной деятельности человека в правовой сфере общественной жизни.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь / под ред. Ф.В. Константинова. — М.: Сов. энцикл., 1970. — 1750 с.
2. Юридическая герменевтика // Академик [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru>
3. Дильтей, В. Наброски к критике исторического разума / В. Дильтей // Вопр. философии. — 1988. — № 4. — С. 141—150.
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. — М., 1988. — 395 с.
5. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Общее введение в чистую феноменологию / Э. Гуссерль. — М., 1999. — 435 с.
6. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. — М., 1979. — 423 с.
7. Орумбаев, Ж.Б. Правоприменительное толкование норм права: учеб. пособие / Ж.Б. Орумбаев. — Караганда: КарЮИ МВД РК, 2005. — 107 с.

*Т.М. Пехота, ассистент
БГЭУ (Минск)*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИГОРНОГО БИЗНЕСА

В последнее десятилетие в Республике Беларусь вопросам формирования и функционирования игорного бизнеса уделяется значительное внимание, что объясняется принятием ряда нормативных правовых актов, кардинальным образом внесших изменения в сферу игровой индуст-

рии. Однако, несмотря на реформирование игорного бизнеса, по-прежнему остается дискуссионной проблематика выявления его правовой природы, четко сформулированного определения правовой категории «игорный бизнес», соотношения его с понятием «азартная игра», что, несомненно, отрицательным образом может отразиться на правоприменительной практике.

В настоящее время законодательство Республики Беларусь определяет игорный бизнес как деятельность, направленную на заключение основанных на риске соглашений о выигрыше с участниками азартных игр и (или) организацию заключения таких соглашений между несколькими участниками азартной игры [1]. Это определение заимствовано из российского законодательства, в котором идентичное толкование дается деятельности по организации и проведению азартных игр [2]. В то же время гл. 29 Налогового кодекса Российской Федерации раскрывает содержание понятия «игорный бизнес» и предусматривает взимание налога именно с игорного бизнеса, а не с деятельности по организации и проведению азартных игр. Это подтверждает отсутствие общего понятия в российском законодательстве, регулирующем деятельность в сфере игорного бизнеса, и, следовательно, порождает разнообразные смысловые ассоциации, поскольку термины «игорный бизнес» и «деятельность по организации и проведению азартных игр» по сущности нельзя назвать тождественными понятиями.

Однако российские комментаторы разъясняют, что деятельность по организации и проведению азартных игр фактически включает в себя осуществление следующих действий: 1) заключение основанных на риске соглашений о выигрыше с участниками азартных игр; 2) организацию заключения основанных на риске соглашений о выигрыше между двумя и более участниками азартной игры; 3) создание игорного заведения (казино, зала игровых автоматов, букмекерской конторы, тотализатора) и руководство его деятельностью; 4) разработку правил азартных игр либо утверждение уже существующих правил проведения азартных игр; 5) выплату выигрышей по результатам проведения азартных игр [3]. Очевиден тот факт, что если первых два действия вытекают из смысловой нагрузки обозначенного понятия, то остальные действия носят лишь предположительный характер и прямо не указаны в легальном определении. Примечательно и то, что содержание анализируемых правовых явлений практически соответствует сущности понятию «азартная игра», под которой белорусские и российские законодатели понимают основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками азартной игры между собой либо с организатором азартной игры [1, 2]. Сложно поддержать такую позицию законодателей. Во-первых, если в понятии «деятельность по организации и проведению азартных игр» наблюдается словосочетание «азартная игра», то в термине «игорный бизнес» непонятно к чему белорусский законодатель привязал определение азартной игры. Во-вторых, с экономической точки зрения азартная игра выступает объектом, в отноше-

нии которого осуществляется деятельность, но не сама деятельность, имеющая организационный и правовой характер, т.е. подлежащая соответствующему юридическому оформлению [4, с. 191]. В связи с этим представляется неверным, что в основу определения как игорного бизнеса, так и деятельности по организации и проведению азартных игр положена суть термина «азартная игра». К тому же с юридической точки зрения азартная игра обладает гражданско-правовой направленностью, что подтверждается и законодательной формулировкой, и мнением многих ученых-правоведов. Например, проанализировав нормы-дефиниции азартных игр, Ю. Габдуллина констатирует, что между участниками и организаторами азартных игр складывается гражданско-правовой характер отношений [5, с. 58]. Иными словами, азартная игра — это соглашение, в котором участвуют как минимум две стороны, наделенные равными правами и обязанностями, что, как известно, в полной мере подпадает под сферу действия гражданского законодательства.

В рамках рассматриваемого вопроса заслуживает внимания позиция В.Н. Дорогих. По мнению ученого, правоотношения, которые возникают между субъектами хозяйствования, осуществляющими игровой бизнес, и государственными структурами, контролирующими эту сферу деятельности, имеют организационный характер. Более того, данные правоотношения регулируют нормы, получившие закрепление в специальных правовых актах и за нарушение которых, как четко определил законодатель, предусмотрена административная ответственность. Следовательно, по утверждению автора, эти нормы по своей правовой природе принадлежат к административным и административно-процессуальным правилам поведения [6, с. 18]. В связи с этим разделяем мировоззрение Л.М. Исаевой, что правоотношения, возникающие при организации игорного бизнеса и проведении азартных игр, целесообразно рассматривать комплексно [7, с. 15—16]. С учетом вышеизложенного считаем наиболее оправданным оперирование понятием «игорный бизнес» и при формулировке, раскрывающей содержание обозначенного термина [4, с. 192], следует принимать во внимание мнения исследователей различных отраслей права.

Литература

1. Об утверждении Положения об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса на территории Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 10 янв. 2005 г., № 9: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 19 нояб. 2010 г. // Эталон — Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
2. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации, 29 дек. 2006 г., № 244-ФЗ: в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 18 июля 2011 г. № 242-ФЗ // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — М., 2012.

3. *Степашина, М.С.* Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» / М.С. Степашина // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — М., 2012.

4. *Пехота, Т.М.* Игровой бизнес как вид предпринимательской деятельности / Т.М. Пехота // Государственно-правовое регулирование интеграционных процессов на постсоветском пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 20—21 апр. 2012 г. / ВГУ им. П.М. Машерова; редкол.: А.А. Бочков (отв. ред.) [и др.]. — Витебск: УО ВГУ им. П.М. Машерова, 2012. — С. 190—192.

5. *Габдулина, Ю.* Правовая природа соглашения об играх и пари по гражданскому законодательству Республики Беларусь / Ю. Габдулина // Судовы весн. — 2006. — № 4. — С. 58—60.

6. *Дорогих, В.М.* Адміністративно-правове регулювання грального бізнесу в Україні: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / В.М. Дорогих; Нац. акад. держ. податкової служби України. — Ірпінь, 2004. — 23 с.

7. *Исаева, Л.М.* Азартные игры / Л.М. Исаева // Юрид. консультант. — 2003. — № 4. — С. 15—20.

*Н.С. Пилипенко, ст. преподаватель
БИП (Гродно)*

О ПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КОМПЕТЕНЦИИ КТС

Индивидуальный трудовой спор возникает тогда, когда субъект трудового правоотношения считает, что его право нарушено в результате неправильного применения в данном конкретном случае тех или иных норм трудового законодательства.

Комиссии по трудовым спорам (далее — КТС) вправе рассматривать только те споры, которые законом или иным нормативным актом отнесены к их ведению, т.е. подведомственны им. Подведомственность — это правомочия органа рассматривать и разрешать определенный круг трудовых споров.

В соответствии с нормами ст. 236 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее — ТК) КТС (если она создана) является обязательным первичным органом по рассмотрению трудовых споров, возникающих между работником и нанимателем, кроме тех, для которых установлен порядок рассмотрения непосредственно судом. Применительно к трудовым спорам в качестве общего правила закреплена условная или императивная подведомственность трудовых дел суду; работник — член профсоюза обращается в суд при условии соблюдения досудебного порядка урегулирования спора.